

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

УДК 94(47).04

ОСВОЕНИЕ РОССИЙСКИМ ГОСУДАРСТВОМ ЮЖНЫХ ОКРАИН В XVI ВЕКЕ*

А.И. ПАПКОВ*Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет**e-mail: papkov@bsu.edu.ru*

В статье характеризуется процесс расширения государственной территории России в южном направлении, происшедший в XVI в. Анализируются противоречия, возникшие между Россией, Речью Посполитой и Крымским ханством в результате напряженной конкурентной борьбы за господство в Днепро-Донской лесостепи.

Ключевые слова: Российское царство, Юг России, Днепро-Донская лесостепь, Крымское ханство, Речь Посполитая, порубежье.

Колонизация южных рубежей России началась в XVI в. и окончательно завершилась в XVIII в. после завоевания Крыма. В научной литературе отмечалось наличие дискуссионного, но мало обсуждаемого вопроса о так называемой «Большой границе» — границе между двумя группами (европейскими и неевропейскими) человеческих цивилизаций¹. Применительно к рассматриваемой территории под «Большой границей» обычно понимают этноконтактную зону между христианским Западом и, сначала языческим, а потом мусульманским, Востоком. Однако феномен особой пограничной жизни характерен не только для упомянутого выше региона. «Большая граница позднесредневековой Украины — это не политическая граница, а две зоны военного влияния, вслед за которым, а иногда и впереди которого продвигалось народнохозяйственное использование земель, часто вопреки желаниям властей. Зоны только с середины XVII в. начали оформляться в качестве политических границ...»². Думается, что эти слова вполне применимы и для общей характеристики ситуации, сложившейся в Днепро-Донской лесостепи, примыкавшей в XVI в. к южной окраине России. Таким образом, южную окраину России XVI в. вполне можно характеризовать как зону особых социальных условий, порубежье, на котором происходят этническая и социальная интеграция, что соответствует

*Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение 14.В37.21.0457.

¹ См.: Дашкевич Я.Р. Большая граница Украины // Этноконтактные зоны в Европейской части СССР. М., 1989. С. 7—21.

² Там же. С. 10.

понятию «фронтир»³, введенному в оборот Ф. Дж. Тернером и уже достаточно активно используемому не только в зарубежной, но и в российской историографии⁴. Легко заметить, что наибольшее развитие в отечественной историографии концепция фронта получила применительно к изучению процесса освоения Сибири, вместе с тем ситуация «подвижной границы» была характерна и для других направлений расширения государственной территории России, в том числе и для южного в XVI—XVII столетиях⁵. Указанный подход представляется весьма перспективным для изучения истории колонизации Юга России в XVI столетии.

С присоединением Рязани в 1521 г. завершился процесс складывания территории единого Российского государства, и наступил новый этап в его развитии⁶. Как справедливо отметил М.К. Любавский, после присоединения к Москве всей Рязанской земли замкнулась окончательно Окская оборонительная линия и князь всея Руси получил полную возможность по собственной инициативе и усмотрению организовывать и вести оборону южной Украины своего государства⁷. По мнению М.Н. Тихомирова постепенное вхождение Рязанской земли в состав складывающегося Российского государства предопределило устойчивость рязанских удельных традиций⁸. Рязанский край и в XVI в. сохранял некоторые особенности своего социального устройства, восходившие к более раннему времени. Вместе с тем, в Рязанской земле благодаря ее пограничному положению пережитки феодальной раздробленности выражались слабее, чем в других княжествах, присоединенных к Москве. При этом, несмотря на расположение на границе со Степью, крымские татары появлялись в Рязанском крае не так уж часто. Причиной являлось географическое положение. Полоса лесов и больших рек защищала Рязанскую землю с востока и юга. Крымцам для того, чтобы попасть на территорию Рязанского края приходилось двигаться обходным путем, мимо Тулы, т.к. более короткий путь перекрывали притоки Дона. Дополнительным препятствием для татарских набегов являлась излучина притока Оки — р. Прони. Эта небольшая река с крутыми берегами течет с юго-запада на северо-восток.

В составе княжества всея Руси были объединены все русские земли, не входившие в состав Великого княжества Литовского. Дальнейшее укрепление международного положения Руси в представлении правящей элиты связывалось с территориальным расширением страны. Наличие недружественных и сильных соседей подталкивало Русь к совмещению своих государственных границ с естественными рубежами (горными массивами, болотами, крупными реками, озерами, морским побережьем), удобными для организации защиты государственной территории от нападений. Консолидация русских земель делала реальной перспективу решения этой задачи. Распространение владений России на протяжении XVI в. и последующих столетий происходило по нескольким направлениям. Одним из важнейших, а нередко и самым основным, было южное. Здесь, в силу географических особенностей региона (лесостепь и степь), граница России была неустойчивой, в отличие, к примеру, от западных рубежей страны, где прочности обороны способство-

³ См.: Воробьева Т.Д. История Камчатки с позиции методологии фронта // Пятые международные исторические и Свято-Инокентьевские чтения «К 270-летию выхода России к берегам Америки и начала освоения Тихого океана (1741-2011)»: материалы. Петропавловск-Камчатский, 2012. С. 102.

⁴ См., например: Замятина Н.Ю. Зона освоения (фронт) и ее образ в американской и русской культурах // Общественные науки и современность. 1998. № 5. С. 75-88; Агеев А.Д. Сибирь и американский Запад: движение фронтов. М., 2005; Резун Д.Я., Ламин В.А., Мамсик Т.С. Фронт в истории Сибири и Северной Америки в XVII—XX вв.: общее и особенное. Новосибирск, 2002; Резун Д.Я., Шиловский М.В. Сибирь, конец XVI — начало XX века: фронт в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов. Новосибирск, 2005; Побережников И.В. Канадский и российский фронт: общее и особенное (XVI — начало XX в.) // Уральский исторический вестник. 2009. № 2. С. 25-30; Его же. Азиатская Россия: фронт, модернизация // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2011. Т. 96. № 4. С. 191-203.

⁵ См., например: Мизис Ю.А., Кащенко С.Г. Проблема формирования русского фронта на Юге России в XVI — первой половине XVIII в. в отечественной историографии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2: История. 2011. № 1. С. 9-16; Жуков Д.С., Канищев В.В., Лямин С.К. Фронт и фрактал: подходы к компьютерному моделированию динамики русского фронта // Fractal Simulation. 2012. № 2. С. 26-35.

⁶ После присоединения Рязанского княжества территория княжества всея Руси выдвинулась к границам Поля на Донском левобережье.

⁷ Любавский М.К. Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века. М., 1996. С. 252.

⁸ См.: Тихомиров М.Н. Россия в XVI столетии. М., 1962. С. 17.

вало наличие естественных преград: рек, озер, болот и лесов. Кроме того, положение осложнялось постоянной борьбой с агрессивными соседями: Крымским ханством, а в дальнейшем и с Речью Посполитой⁹. На протяжении длительного времени степи были источником постоянной опасности для славянского мира. Здесь кочевали татарские отряды. Они совершали набеги на славянские земли, грабили их и уводили население в рабство. Но проблемы, связанные с южнорусскими степями, этим не исчерпывались. Днепро-Донская лесостепь, примыкавшая к южной окраине Руси, являлась объектом притязаний со стороны сразу нескольких держав: Российского царства (с 1547 г.), Речи Посполитой и Крымского ханства. Узел противоречий в рассматриваемом регионе завязался в начале XVI в., после того, как Северские земли, принадлежавшие Великому княжеству Литовскому, вошли в состав Руси¹⁰, а, начиная с 1507 г., владения князя всея Руси стали подвергаться постоянным нападениям крымских татар. В Днепро-Донской лесостепи пролегали татарские дороги (сакмы или шляхи), огибавшие лесные массивы и крупные реки. Путь прокладывался, как правило, по водоразделам. Дело в том, что на высоких участках степи весной снег сходил раньше, земля здесь высыхала скорее, и быстрее появлялась трава, необходимая для татарских лошадей.

Стремясь закрепить за собой новоприсоединенные земли, российское правительство назначало туда своих наместников. Исключение составляли только северские города, в том числе Чернигов, Новгород-Северский и Путивль. Они вплоть до начала 20-х гг. XVI в. оставались во владении удельных князей. Кроме того, до ликвидации уделов Василия Стародубского и Василия Шемячича, на их территории не проводилось испомещения служилых людей из центральных российских уездов. Такая политика стала следствием того, что местное население не являлось надежной опорой Москвы на приграничных землях, а само их присоединение было весьма непрочным. Поэтому, помимо размещения войск на границах правительство стремилось создать здесь надежный заслон из верных помещиков¹¹.

Весной 1523 г., после «поимания» князя Василия Шемячича, Новгород-Северское княжество перешло в прямое подчинение Василия III. Таким образом официальная государственная территория княжества всея Руси продвинулась достаточно далеко на юго-запад. Северская земля, охватывавшая верхнее и среднее течение Десны и Сейма, на протяжении почти всего XVI в. оставалась самой юго-западной окраиной Российского государства. Благодаря пограничному положению Северской украины, по мнению М.Н. Тихомирова, здесь очень долго сохранялись традиции удельного времени¹². Как и на других окраинах, боярское землевладение на Северщине было развито слабо. Особенностью упомянутого региона можно считать наличие довольно обширной территории с тяглым населением — Комарицкой волости. Она располагалась вокруг Севска, в районе, окруженном со всех сторон лесами. Крупнейшим городом Северской земли был Путивль. В нем была единственная на Юге России в XVI—XVII в. каменная крепость. Второй по значению крепостью после Путивля в Северском крае являлся Новгород-Северский. Почти на самой границе с Великим княжеством Литовским стоял Чернигов. Недалеко от него находился Монастырев (Моравск). Значительной крепостью также был Рылск.

В XVI столетии интересы России на южной окраине определялись не хозяйственными, а стратегическими соображениями. Весь XVI в. прошел под знаменем колонизации русским земледельческим населением территорий южнее Оки. Это движение воспринималось как возвращение на исконные земли, которые русские крестьяне были вы-

⁹ Данное обстоятельство уже отмечено исследователями. См. например: Водарский Я.Е. Население России за 400 лет (XVI — начало XX в.). М., 1973. С. 22-23.

¹⁰ В результате первой русско-литовской войны XVI в. практически все Чернигово-Северские земли перешли во владение князя всея Руси. В том числе и города с прилегающей округой, находившиеся в рассматриваемом регионе, а именно: Чернигов, Путивль, Рылск и Новгород-Северский. Попытка Великого княжества Литовского вернуть утраченное в 1507-1508 гг. не увенчалась успехом и по условиям «вечного мира», подписанного 8 октября 1508 г., Литва признала все завоевания Ивана III. Не изменилась ситуация и после третьей (1512-1522 гг.) и четвертой (1534-1537 гг.) русско-литовских войн XVI в. (См.: Похлебкин В.В. Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет в именах, датах и фактах. М., 1995. Вып. 2. Кн. 1. С. 363-379; Любавский М.К. Указ. соч. С. 248-249; Тихомиров М.Н. Указ. соч. С. 18).

¹¹ См.: Кром М.М. Меж Русью и Литвой. М., 1995. С. 220-228.

¹² Тихомиров М.Н. Указ. соч. С. 408.

нуждены покинуть в результате монголо-татарского нашествия¹³. Колонизация выливалась в борьбу княжества всея Руси — Российского царства, провозгласившего себя преемником Киевской Руси, с Крымским ханством, считавшим себя преемником Золотой Орды, впрочем, не заявлявшим об этом открыто¹⁴. Правительственная стратегия состояла в сооружении новых оборонительных рубежей и строительстве крепостей, защищавших земледельческое население. Уже в начале XVI в. возникла Тульская оборонительная черта. К середине столетия новые русские крепости с гарнизонами служилых людей продвинулись еще дальше на юг: Данков, Шацк, Орел и др. Теперь условная граница Российского царства проходила южнее среднего течения Оки, пересекала верховья Дона, верховья Оки и оканчивалась на западе в верховьях Десны и Сейма. Таким образом, колонизация южных окраин приобрела характер не только народной, но и государственной. Это тем более важно, если учесть то обстоятельство, что плодородный, но тяжелый чернозем трудно было «поднять» сохой, которой традиционно пахали русские земледельцы, привыкшие обрабатывать более легкие серые лесные почвы. Грунт лесной полосы отличается маломощной дерниной и непрочной структурой. Поэтому основными агротехническими требованиями при его обработке является не столько подрезывание и оборачивание пласта (что делает плуг), сколько его рыхление и перемешивание. Этим условиям более всего соответствует соха¹⁵. Тем не менее, именно двузубая деревянная соха с железными сошниками в конце XVI — первой половине XVII в. оставалась основным сельскохозяйственным орудием не только в лесном центре, но в южной лесостепи. Данный факт является ярким показателем приоритета военно-стратегических мотивов колонизации южных степей над хозяйственным значением этого процесса, которое проявится позднее. Вышеизложенное дает основание усомниться в справедливости мнения Р.Г. Скрынникова о том, что «...истощение почвы и низкая производительность принудительного барщинного труда привели вскоре к резкому падению урожайности зерновых на государственной пашне и степных уездов»¹⁶. Скорее, низкие урожаи следует связывать с вышеописанными особенностями агротехники. Вместе с тем, судя по описаниям иностранцев, уже в XVI в. имелось четкое представление о значительно более высоком, по сравнению с центром России, плодородии почвы в Рязанском крае¹⁷.

Россия стремилась к колонизации Днепро-Донской лесостепи, т.к. это обеспечивало ей определенные преимущества. Во-первых, заселение и освоение указанных земель русскими служилыми людьми позволяло организовать новую линию обороны на пути татарских набегов. Прежняя схема защиты от вторжений крымцев, опиравшаяся на Тульскую засечную черту, не всегда оказывалась эффективной. Поэтому, по мере увеличения военных возможностей государства, в Поле стали выдвигаться русские сторожи и станицы. Затем начали создаваться опорные пункты, впоследствии ставшие центрами освоения края. Во-вторых, любое продвижение на юго-запад было выгодно России, поскольку позволяло эффективнее противостоять польскому давлению на восток. К XVI столетию во взаимоотношениях княжества всея Руси с Польским королевством и Великим княжеством Литовским накопилось довольно много проблем. Кроме того, начиная с Василия III, московские государи претендовали на часть земель, принадлежавших Великому княжеству Литовскому. В 1503 г. русские послы от имени своего государя заявляли: «Ано не то одно наша отчи-

¹³ О домонгольских поселениях в Днепро-Донской лесостепи см., например: Дьяченко А.Г. Древнерусский город на р. Корень // Материалы международной научно-практической конференции «Юг России в прошлом и настоящем: история, экономика, культура». Белгород, 1998. С. 19-22; Винников А.З., Кудрявцева Е.Ю. Городище Холки на юго-восточной окраине Древнерусского государства // Вопросы истории славян. Археология. Этнография. Воронеж, 1998. Вып. 12. С. 50-71; Тропин Н.А. Елецкая земля в XII—XV вв. Елец, 1999. С. 54-88.

¹⁴ См.: Новосельский А.А. Указ. соч. С. 41. Изначально крымско-русские отношения строились как равноправные. Однако вхождение в состав Русского государства земель и мелких княжеств — прежних данников Крыма возложило на князя всея Руси обязанность выплаты «взимков» с этих территорий в пользу Крымского ханства. Вместе с тем, довольно быстро, сами крымцы начинают отказываться от употребления терминологии, выражающей данническую зависимость Руси (подробнее см.: Хорошкевич А.Л. Русь и Крым после падения ордынского ига: динамика трибутарных отношений // ОИ. 1999. № 2. С. 69-77; Она же. Русь и Крым: От союза к противостоянию. М., 2001. С. 225-271).

¹⁵ См.: Краснов Ю.А. Древние и средневековые пахотные орудия Восточной Европы. М., 1987. С. 195.

¹⁶ Скрынников Р.Г. Россия в начале XVII в. «Смута». М., 1988. С. 114.

¹⁷ См. об этом: Соловьев С.М. Сочинения. М., 1993. Т. V. С. 361.

на, кои города и волости ныне за нами: и вся Русская земля, Киев и Смоленск <...> з Божьей волею, из старины, от наших прародителей наша отчина»¹⁸. Схожая ситуация возникла и во время мирных переговоров с литовскими послами в 1536 г. Последние утверждали, что войска Великого княжества Литовского воевали северские города, т.к. они принадлежат их государю, который отдал указанные населенные пункты Шемячичу и Можайскому, а те, изменив, передали их Москве. Российские бояре возражали, заявляя, что северские города всегда тянули к Киеву, а Киев — отчина великого князя всея Руси. В силу невозможности разрешить накопившиеся противоречия мир заключить не удалось, но было подписано перемирие сроком на пять лет, до 1542 г.¹⁹ К 1537 г. Смоленские и Северские земли были уже отвоеваны Россией, а Киевские, по Люблинской унии 1569 г., отошли к Королевству Польскому.

Со своей стороны, Речь Посполитая всячески пыталась помешать усилению России. Отсутствие значительных естественных рубежей служило предпосылкой для постоянного противоборства между двумя странами. Характерно, что оба государства свои территориальные претензии обосновывали с исторически-правовой точки зрения. Но реального значения юридические доказательства не имели. На первый план вышел другой фактор — колонизация. Тот, кто раньше успевал освоить спорные земли в военном и хозяйственном отношениях, утвердился на них, тот и выигрывал территориальный спор. Примечательно, что заселение южных окраин России и Речи Посполитой началось практически одновременно в последние десятилетия XVI в.²⁰

Лесостепные пространства, расположенные между Днепром и Доном, не являлись местом постоянного обитания крымцев. Татары, будучи кочевниками, не могли освоить и надежно закрепить за собой бассейн Северского Донца и других притоков Днепра и Дона, но рассматривали эти земли как часть Крымского ханства. Они постоянно здесь не обитали, а использовали указанный район как место летних кочевий. Последние находились на р. Волге, Днепре, Дону, Хопре, Орели, Самаре, Суре, Тихой Сосне, между Доном и Днепром, между Валуйкой и Северским Донцом²¹. В силу этого, степняки стремились не допустить колонизации Поля другими странами. Кроме того, эта территория в XVI в. играла роль своеобразного буфера между Россией и Крымом. Такое положение делало ханство практически неуязвимым. Ведь в случае похода на Крым русских войск, им длительное время приходилось продвигаться по безводной степи, имея громоздкие обозы. Хан же имел возможность собрать силы и постоянными нападениями небольших отрядов изнурять противника. Буферная зона являлась удобным местом для концентрации татар перед набегами и давала степнякам возможность уйти от погони.

Нашествие крымского хана Мухаммед-Гирея через Поле на Москву в 1521 г. ясно показало необходимость пересмотра российской политики на южном направлении. В это время Россия держала значительные военные силы у своих западных рубежей, хотя активных боевых действий против Великого княжества Литовского и не вела. Тем не менее, крупные русские силы были сосредоточены и на южной окраине страны. Однако их расположение оказалось неудачным. Полки дворянской конницы не были выдвинуты к Туле, которая к этому времени уже имела каменную крепость и могла служить надежным опорным пунктом для борьбы с крымцами. В результате отряды Мухаммед-Гирея прошли по Муравскому шляху между верховьями Ворсклы и Северского Донца, повернули на северо-восток и двинулись к Коломне между Тулой и Рязанью. Такое развитие событий В.П. Загоровский объяснил отсутствием военных способностей у Василия III и недооценкой последней роли военной разведки на территории Днепро-Донской лесостепи. По его мнению, сторожевой и станичной службы в 1521 г. на Поле еще не существовало²².

Разграбив окрестности Москвы, 12 августа 1521 г., Мухаммед-Гирей начал отход, двигаясь мимо центра Рязанского княжества. Татары предприняли попытку захватить

¹⁸ Сб. РИО. Т. 35. С. 460.

¹⁹ См.: Соловьев С.М. Сочинения. М., 1993. Т. VI. С. 412.

²⁰ См.: Падалка Л.В. Прошлое полтавской территории и ее заселение. Полтава, 1914. С. 53.

²¹ Багалея Д.И. Очерки из истории колонизации степной окраины Московского государства. М., 1887. С. 72.

²² См.: Загоровский В.П. История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI в. Воронеж, 1991. С. 66-69.

Переяславль-Рязанский, но она закончилась неудачей. В следующее десятилетие правительство Василия III продолжило совершенствование оборонительной системы на южной окраине страны, впрочем, не пытаясь организовать защитные мероприятия непосредственно на путях татарских набегов, на Поле. Полки дворянской конницы выдвигались на Оку. Первая роспись воевод «на берегу», т.е. в городах по Оке, появляется в записях за 1518/19 г. Это роспись воевод по полкам. В других случаях составлялись списки воевод «по берегу» не в полках, а в городах. Это города Серпухов, Кашира, Таруса, Коломна, Мещера, расположенные по р. Оке. К ним же относились и воеводы на р. Угре. В разряде 1527 г. появляется роспись воевод «от Поля», в которой к этим береговым городам прибавлена еще Рязань (Переяславль-Рязанский), а также Тула и Одоев, хотя два последних располагались не на Оке, а на р. Упе.

В 30—40-х гг. XVI в. достаточно четко выделяются две пограничные линии на Юге России. Главная — береговая, шедшая по р. Оке. Южнее располагалась линия от Поля, опорой ее постепенно становилась Тула. В нее входили города: Одоев, Белев, Бобрик, Пронск, Зарайск, позднее Новгород-Северский, Путивль, Почеп, Карачев, Мценск. В эту линию часто включали и город Рязань (Переяславль-Рязанский), который был выдвинут далеко вперед от основной береговой (по Оке) линии. К середине XVI в. линия «от Поля» получила название линии «от Крымской украины». Обе линии выполняли общую задачу. Анализ записей разрядных книг позволил В.И. Буганову заключить, что в Москве службу «по берегу» и службу «от Поля» воспринимали как нечто единое, цельное²³. Были построены каменные крепости в Зарайске и Коломне. После опустошительных нападений крымцев на рязанские земли в 1533 и 1535 гг. было принято решение о восстановлении г. Пронска, для укрепления подходов с юга к Переяславлю-Рязанскому²⁴.

Летом 1541 г. начинается история российской государственной разведки на Поле, на путях вторжения крымских татар. По распоряжению руководителя русского правительства кн. И.Ф. Бельского для осмотра татарских дорог была направлена станица Гаврилы Толмача. Однако после отражения очередного татарского нашествия российская активность в Днепро-Донской лесостепи затухла. Между 1541 и 1546 гг. крымские татары совершили несколько нападений на российскую Украину. В марте 1541 г. они приходили к Путивлю и воевали северские места. В августе 1542 г. крупный татарский отряд пытался разгромить села и деревни между Переяславлем-Рязанским и Зарайском²⁵.

Анализ конкретной истории борьбы России с крымскими татарами в первой половине XVI в. позволил В.П. Загоровскому прийти к выводу, согласно которому в рассматриваемое время Российское государство еще не предпринимало попыток реального продвижения в пределы Поля. По его мнению, документы этого времени еще не позволяют говорить о начале российской государственной колонизации рассматриваемого региона. Здесь не возникло ни одного, санкционированного правительством поселения, еще не было создано регулярной российской сторожевой службы, а выходы русских военных отрядов на территорию Поля были эпизодическими явлениями²⁶.

Уже к середине XVI в. российское правительство достаточно ясно осознало всю невыгодность для себя сложившейся в этом регионе геополитической ситуации. Поэтому, во второй половине XVI в., как только появились силы и средства, Российское царство начинает продвижение на Юг, в лесостепь. Россия получила возможность активизировать свою политику на южном направлении после завоевания Казани в 1552 г. Примерно в это же время началось последовательное строительство русских крепостей на окраине, к которой примыкало Поле. В апреле 1551 г. началось строительство г. Михайлова на р. Проне. Михайлов сразу же занял заметное место среди крепостей порубежья. Во второй половине XVI в. служилые люди этого города активно участвовали в сторожевой службе и в основании других русских крепостей на Поле. В 1553 г. недалеко от впадения р. Шачи в Цну, где был проход из степи через лес к мещерским и рязанским местам (Шатцкие ворота), был основан Шацк. Третьим русским городом, возникшим в середине XVI столетия на стыке

²³ См.: Буганов В.И. Разрядные книги как источник по истории пограничной обороны Русского государства конца XV — первой трети XVII в. // Источниковедение отечественной истории. М., 1980. С. 208-209.

²⁴ Загоровский В.П. Указ. соч. С. 76-79.

²⁵ См.: Там же. С. 81-84.

²⁶ См.: Там же. С. 85-86.

украины и Поля, стал Дедилов. Он был основан юго-восточнее Тулы, на притоке р. Упы, р. Шиворони. Дедилов представлял собой деревянную крепость с шестью башнями, одна из которых была шестистенной. Он играл заметную роль в жизни Юга России вплоть до второй половины XVII в. С 25 марта по 20 июля 1555 г. шло строительство г. Болхова (первоначально он назывался по речке, на которой был поставлен — «Нугрь»). Появление этой крепости закрыло прямой путь татарам к Белеву и Козельску, улучшило военное положение Мценска, в значительной мере подготовило основание Орла. В этом же году к западу от Муравского шляха были выстроены Крапивна и Чернь²⁷. Летом и осенью 1557 г. под руководством воеводы М.И. Колычева происходило строительство стен и башен Рязска (вплоть до XVIII в. преимущественно употреблялись названия «Ряской» или «Рязской»). Во второй половине XVI в. служилые люди Рязска активно участвовали в сторожевой службе на Поле. Границы Рязского уезда постепенно распространялись к югу²⁸.

Среди городов, возникших в описываемое время на стыке Украины и Поля, особое место занимал город на Псле («Псельский город»). Он выдвинулся далеко в степь. Расстояние от него до ближайшей российской крепости Путивля составляло около 250 км. Располагался он при впадении р. Псел в Днепр. Просуществовал этот город всего несколько лет (1558—1562 гг.)²⁹.

С весны 1563 г. в записях разрядных книг появляется еще один город на южной окраине России — Новосиль. Древнерусский город Новосиль был разгромлен татарами в XVI в. После этого новосильский князь Роман Семенович перенес свою резиденцию в Одоев, а его приемники стали именоваться «князьями новосильскими и одоевскими». По договору 1494 г. с Великим княжеством Литовским это княжество перешло в состав княжества всея Руси. В 1525 г. кн. Иван Воротынский восстановил на р. Упе разрушенный татарами Одоев. В середине XVI в. Одоев считался вотчиной его сыновей — Михаила Ивановича и Александра Ивановича Воротынских. В.П. Загоровскому не удалось обнаружить никаких сообщений о Новосили в русских документах середины XVI в. Последнее обстоятельство дало основания для заключения о том, что Новосиль как «город реальный, живой» в это время не существовал³⁰. 15 сентября 1562 г. Иван IV «положил опалу» на князей Воротынских и «вотчину их доли велел взяти на себя...»³¹.

Осенью 1566 г., вероятно, был основан г. Орел, получивший свое имя от названия реки, на которой он был построен. В том же 1566 г. на рубеже Украины и Поля возник вотчинный город Епифань, который принадлежал кн. И.Ф. Мстиславскому. Епифань оставалась вотчинным городом до 1571 г. В 70-е гг. XVI в. епифанских казаков активно привлекали к несению общероссийской сторожевой службы в Днепро-Донской лесостепи. Епифань не была единственным исключением, кроме нее на вотчинных землях московских бояр существовали городки Венев (Городенск), известные с начала XVI в., и Чернь. Венев стоял на горе возле р. Веневы. Он был укреплен рублеными «городнями» стенами высотой около 1,5 сажени. Стены имели земляную засыпку. Общее количество дворов в Веневе доходило до 143³². В 1571 г., одновременно с Епифанью, Венев был отнят у И.Ф. Мстиславского. Несколько ранее, при ликвидации удела кн. М.И. Воротынского, перестала быть владельческим городом и Чернь. Примечательно, что служилыми людьми бывших вотчинных городов (Епифани, Одоева, Венева и Черни) в 70-е гг. XVI в. управляли не воеводы, а осадные головы³³.

В 1568 г. на Дону был построен г. Донков. Он быстро занял одно из ведущих мест среди окраинных городов. В 70—80-е гг. XVI в. район наблюдения донковских сторож был весьма значительным.

Города, стоявшие южнее Оки, составили новую оборонительную линию. Она шла от Путивля на р. Семи до Тетюш на Волге. В нее входили: Новгород-Северский, Путивль, Рыльск, Карачев, Орел, Новосиль, Мценск, Чернь, Крапивна, Тула, Дедилов, Епифань, Дон-

²⁷ Любавский М.К. Указ. соч. С. 296.

²⁸ Загоровский В.П. Указ. соч. С. 95-98.

²⁹ Там же. С. 98.

³⁰ Загоровский В.П. Указ. соч. С. 100.

³¹ ПСРЛ. Т. XIII. С. 344.

³² Тихомиров М.Н. Россия в XVI столетии... С. 51.

³³ Загоровский В.П. Указ. соч. С. 104-105.

ков, Ряжск, Шацк, Кадом, Темников, Алатырь и Тетюши. Украинные города сделались основой для организации сторожевой и станичной службы в Днепро-Донской лесостепи³⁴.

Российское царство вступило в непосредственную борьбу с Крымским ханством за обладание Полем в 1555 г., когда по решению царя и боярской думы в пределы Крымского ханства был направлен 13-тысячный отряд И.В. Большого Шереметева. Тактические цели похода не были реализованы в связи с начавшимся в это же время нашествием крымцев на Москву, завершившегося битвой под Судьбищами 3 июля 1555 г. Тем не менее, стратегическая задача — демонстрация возросшей силы Российского государства — была достигнута³⁵. В 1557 г. помимо традиционного сбора полков дворянской конницы у Оки был осуществлен выход воевод со служилыми людьми украинских российских городов глубоко в Днепро-Донскую лесостепь — к рекам Быстрой Сосне и Сейму. Таким образом на территории Поля создавалась временная передовая линия обороны. В города Украины (Дедилов, Мценск, Михайлов, Пронск, Карачев, Болхов) назначались по два воеводы. Один оставался командовать гарнизоном крепости, а другой во главе военного отряда отправлялся в степь. Показательно, что в дальнейшем, как метко подметил В.П. Загоровский, пункты расположения в 1557 г. русских войск на Поле стали местами трех новых российских городов³⁶ (Ливен, Ельца и Курска). Тем не менее, выход российских вооруженных сил к Быстрой Сосне и Сейму не привел к немедленному закреплению этой части Днепро-Донской лесостепи за Российским царством, а само расположение русских полков на южном направлении не отличалось постоянством и единообразием.

Анализ внешнеполитических действий правительства Ивана IV (прекращение военных действий в Ливонии на полгода, подтверждение перемирия с Польшей и Литвой) позволил В.П. Загоровскому обосновать положение о намерениях России добиться серьезного успеха в борьбе с татарами в 1559 г. В этом году российскими отрядами И.М. Вешнякова и Д.Ф. Адашева были нанесены удары по Крымскому ханству со стороны низовьев Дона и Днепра. Однако в данной операции были задействованы незначительные силы, и она оказалась малоэффективной. В дальнейшем (1560—1562 гг.) российский внешнеполитический курс постепенно изменился: западное направление стало преобладать над южным. Инициатива в Днепро-Донской лесостепи и примыкающих к ней районах перешла к татарам. Вероятно, московское правительство пришло к заключению о недостатке сил для активной обороны южного направления. Подобное противоборство с крымцами требовало постоянного присутствия на берегу Оки значительного воинского контингента, независимо от операций на других фронтах³⁷. В условиях продолжавшейся Ливонской войны, подобные меры были невозможны. В июле 1562 г. крымский хан Дивлет-Гирей совершил нападение на Мценск и Мценский уезд. Отошедшие от главных сил отряды Дивея-мурзы и Мустафы-аги разорили Болховской и Белевский уезды³⁸.

В.П. Загоровский также отметил важное разделение окраинных российских городов, которое прослеживается в разрядных записях 7072 (1563/64) г. Города по Оке (Белев, Перемышль, Лихвин, Калуга, Алексин, Таруса, Серпухов, Кашира, Коломна, Переяславль-Рязанский), Козельск за Окой, а также Тула уже не считаются городами, непосредственно примыкающими к Полю. Они составляют вторую линию обороны. Перечень городов «от Поля», составляющих первую линию обороны на Юге, ограничен следующими наименованиями: Дедилов, Пронск, Михайлов, Ряжск, Мценск, Болхов, Одоев, города на Плове и Солове, Карачев, Брянск, Почеп, Стародуб, Чернигов, Новгород-Северский, Путивль и Рьльск³⁹.

После строительства Донкова (1568 г.) происходит спад активности Российского государства в регионе, по крайней мере, бурного строительства новых городов на южной окраине страны в два последующих десятилетия не наблюдается. Общее построение обороны южных границ меняет свой характер. С 1569 г. размещение полков «на берегу» становится обязательным. Толчком к дальнейшему изменению российской политики на

³⁴ См.: Любавский М.К. Указ. соч. С. 297.

³⁵ Подробнее см.: Загоровский В.П. Указ. соч. С. 115-121.

³⁶ См.: Загоровский В.П. Указ. соч. С. 127-128.

³⁷ См.: Новосельский А.А. Указ. соч. С. 23.

³⁸ Подробнее см.: Загоровский В.П. Указ. соч. С. 133-141.

³⁹ Загоровский В.П. Указ. соч. С. 144-145.

южных границах послужили события 1570 г. В этом году нападение крымского хана на Россию не состоялось, но силы страны пришлось мобилизовывать для отражения возможного нашествия. Полки дворянской конницы возглавил лично Иван IV, прибывший вместе со своим сыном Иваном из Александровской слободы в Серпухов. Вероятно, тогда возникло представление о неудовлетворительном состоянии российской разведки, действовавшей в Днепро-Донской лесостепи, на путях подхода татар из Крыма к российским рубежам, а также появилось понимание необходимости реорганизации сторожевой и станичной службы.

С 1571 г. на Поле стала действовать общероссийская сторожевая служба. Ее организатором являлся боярин М.И. Воротынский. Ежегодно, с ранней весны до поздней осени, в Поле выставлялись российские сторожи и станицы. Пограничная служба складывалась теперь из трех элементов: 1) путивльских и рыльских станиц, ездивших по утвержденным в Москве маршрутам; 2) сторож из окраинных российских городов, стоявших в утвержденных в Москве местах и наблюдавших за путями возможных татарских набегов; 3) общероссийских сторож, располагавшихся на Поле и высылавших по сторонам свои собственные станицы. Одна общероссийская сторожа находилась при впадении р. Балыклеи в Вапу, вторая — на левом берегу Дона, выше устья р. Хопра, третья — на р. Осколе, при устье Убли, а четвертая — на р. Сейме, при устье речки Хона.

Разгром крымцами русских войск в 1571 г., сожжение ими Москвы и разорение Рязанской земли привели к определенным изменениям в обороне южной окраины Российского царства. Эти перемены заметны уже при подготовке к отражению татарского вторжения 1572 г. Теперь практически все наличные русские силы было решено сосредоточить вдоль Оки. Полки дворянской конницы пополнялись служилыми людьми из городов, располагавшихся южнее Оки: Дедилова, Донкова, Орла, Новосили, Ряжска, Епифани, Шацка, Пловы и Соловы. В полном составе на месте остался лишь гарнизон Тулы и гарнизоны некоторых менее крупных городов, которые могли оказаться на пути татарского вторжения (Михайлов, Зарайск, Одоев). Победа при Молодях в 1572 г. способствовала закреплению такой практики при организации противодействия крымским набегам в дальнейшем.

С 1573 г. вооруженные силы украинских городов объединялись в «украинный разряд» с целью предотвращения прорыва татар к Москве. Обычно полки «украинного разряда» размещались в Туле, Дедилове и еще в каком-либо одном пункте. Вторую линию обороны представлял «береговой разряд» из отрядов дворянской конницы, располагавшихся на берегу Оки. С 1572 г. здесь ежегодно стояло по пять полков. Пункты из размещения по 1598 г. практически не менялись. Большой полк размещался в Серпухове, полк правой руки — чаще всего в Тарусе, передовой — в Калуге, сторожевой — в Коломне, полк левой руки — в Кашире. Это однообразное и устойчивое размещение пяти полков «на берегу» отвечало целям исключительно пассивной обороны от крымских татар. Расстановка полков в две линии продолжалась вплоть до 1598 г. С 1599 г. вторая линия обороны исчезает и полки ставятся только в украинских городах. Они выдвигаются далеко вперед, к югу: большой полк стоит в Мценске, передовой — в Новосили, сторожевой — в Орле⁴⁰. Такое размещение говорит об усилении позиций Российского царства в рассматриваемом регионе, которое произошло в связи с постройкой новых городов. В 1575–1576 гг. было несколько изменено расположение общероссийских сторож. Так, самая западная сторожа с берега р. Сейма была переведена на Северский Донец, на устье р. Уд. В 1577 г. на сторожу к Северскому Донцу посылали детей боярских Брянск, Почеп, Стародуб и Новгород-Северский, кроме того, Орел и Карачев, а в случае необходимости — Новосиль, Болхов и Одоев. Сторожу на р. Осколе обеспечивали дети боярские из Тулы, Пловы, Соловы, Епифани, Венева, Мценска, а также из Болхова и Одоева. Разорение страны в результате неудачной для России Ливонской войны привело к сокращению количества общероссийских сторож на Поле с четырех до двух, в том числе была снята сторожа на Северском Донце. Остались сторожи при слиянии Оскола и Убли и на Дону, при впадении р. Богато-

⁴⁰ Новосельский А.А. Указ. соч. С. 28-29.

го Затона, в каждой из них находилось по 70 чел.⁴¹ К этому времени относится попытка официального включения Поля в состав России. Воевода М. Тюфякин и дьяк М. Ржевский обозначили особыми знаками границы Российского царства в южной степи. Можно предположить, что подобные действия восточного соседа не оставили равнодушной Речь Посполитую. Так, в 1589 г. польский королевский канцлер Ян Замойский выступил с пропагандой проекта завоевания Смоленска и Северских земель, а также осуществления последующей унии двух государств⁴².

С 80-х годов XVI в. развернулось строительство крепостей на Поле, призванных стать опорными пунктами в борьбе с Крымом. В 1586 г. были основаны Ливны и Воронеж. Как справедливо отметил В.П. Загоровский, сооружение этих городов должно было не только способствовать перекрытию татарских дорог, но и обеспечить закрепление придонской части Поля за Россией⁴³. Такая задача стала актуальной в связи с появлением в Днепро-Донской лесостепи черкас. В это же время статус города приобрел Севск, который еще до 1582 г. был укрепленным пунктом⁴⁴. Повышение защищенности юго-западных окраин лежало в русле общегосударственной политики, направленной на усиление обороноспособности неустойчивых рубежей страны.

В 1591 г. крымский хан Казы-Гирей совершил поход на Москву. Для татар нашествие, в целом, окончилось неудачей, однако оно показало несовершенство российской оборонительной системы на юге страны. Крымцы прошли к Москве, оставив Ливны слева, а Воронеж — справа, за Доном. В итоге было решено построить еще один российский город на Елецком городище, поблизости от места, в котором летом 1591 г. татары Казы-Гирей форсировали Быструю Сосну. Елец был возведен в 1592 г. и с этого времени стали нести службу елецкие сторожи и станицы. С 1594 г. упоминается новый город Кромы, возникший к юго-западу от Орла. В 1596 г. были построены достаточно мощные деревянные крепости Белгород и Оскол⁴⁵. В том же году возвели крепостные укрепления Курска.

В 90-е гг. XVI в. создаются лесные засеки под Тулой. Они завершили создание оборонительной линии, известной в научной литературе как Тульская засечная черта. Она защищала исторический центр страны — Москву и прилегающие к ней районы.

Сильной русской крепостью на Поле стал Царев-Борисов, возведенный в 1599 г. при впадении Оскола в Северский Донец. Осенью этого же года стал серьезной крепостью еще один российский населенный пункт в Днепро-Донской лесостепи — Валуйка. По предположению В.П. Загоровского, основанному на том факте, что воевода В.В. Кольцов-Мосальский должен был оставить с собой зимовать в городе 150 стрельцов и казаков, 12 пушкарей, 20 плотников и одного кузнеца, строительство деревянной Валуйской крепости завершилось только в 1600 г.⁴⁶

Таким образом, к концу XVI в. укрепленные поселения Российского царства клином углубились на юг до слияния Оскола с Северским Донцом и близко подошли к татарским кочевьям. После постройки городов Крым быстро осознал угрозу своему положению в регионе и предпринял ответные меры. Поскольку уничтожить поставленные крепости крымцы были не в состоянии, они попробовали применить дипломатические средства. Однако все маневры крымцев были разгаданы, и заселение Поля продолжалось.

Речь Посполитая считала указанную территорию частью Северских земель, отвоеванных у Великого княжества Литовского Россией в начале XVI в. Очевидно, польское правительство никогда не отказывалось от намерения вернуть утраченные районы. После окончания неудачной для России Ливонской войны продвижение польских рубежей на юг и восток стало важным элементом государственной политики Речи Посполитой. Это,

⁴¹ См.: Загоровский В.П. Указ. соч. С. 156-187; Марголин С.Л. Оборона Русского государства от татарских набегов в конце XVI века // Труды ГИМ. М.; Л., 1948. Вып. 20. С. 3-28. Здесь же см. подробную схему расположения станиц и сторож.

⁴² История внешней политики России. Конец XV—XVII век. М., 1999. С. 197.

⁴³ Подробнее об основании этих городов см.: Загоровский В.П. Указ. соч. С. 197-202; Папков А.И. Порубье Российского царства и украинских земель Речи Посполитой (конец XVI — первая половина XVII века). Белгород, 2004. С. 73-74.

⁴⁴ Зимин А.А. В канун грозных потрясений. М., 1986. С. 200.

⁴⁵ Подробнее об основании этих городов см.: Загоровский В.П. Указ. соч. С. 144-145; Папков А.И. Указ. соч. С. 75-87.

⁴⁶ См.: Загоровский В.П. Указ. соч. С. 226-227.

по мнению В.П. Загоровского, на первых порах соответствовало интересам основной массы украинского населения Приднепровья, устремившегося на Левобережье Днепра, подалее от польской администрации и феодалов⁴⁷. Однако в открытый территориальный конфликт с Россией в конце XVI в. польское правительство не вступало. Южные рубежи Российского царства беспокоили лишь украинские казаки, являвшиеся подданными Речи Посполитой. Именно реакцией на черкасские разбои объясняло российское правительство Казы-Гирею постройку городов на Поле, указывая, что от новых городов крымским улусам нет вреда, а только польза, т.к. «...тут воры черкасы больше не живут»⁴⁸.

Все вышеизложенное свидетельствует о том, что Днепро-Донская лесостепь во второй половине XVI в. стала зоной ожесточенной конкуренции между Российским царством, Речью Посполитой и Крымским ханством. Причем Крым устраивало положение, сложившееся после уничтожения Большой Орды в 1502 г. Крымский хан считал Поле своей территорией, которую можно использовать не только как место летних кочевий, но и как своеобразную буферную зону. Наличие последней ставило Крым в преимущественное положение по отношению к своим северным соседям. Россия, оценив эту ситуацию, во второй половине XVI в. приступила к колонизации Поля. В исторической литературе неоднозначно оценивается характер российской колонизации Днепро-Донской лесостепи. До революции господствовало мнение о приоритете правительственной колонизации, под которой понималось освоение территории, организованное правительством России, переселявшем своих подданных на южную границу для организации ее обороны от крымских татар. Изменилась эта оценка в советское время, когда марксистская методология обязывала максимальное внимание уделять деятельности народных масс. Утверждалось, что заметную роль в заселении южных пространств сыграло народное движение на свободные земли. Было выдвинуто положение о более ранней народной колонизации⁴⁹, которая затем «переплелась» с правительственной⁵⁰. Представляется более правильным говорить о государственной колонизации, понимая под ней процесс, сочетающий в себе деятельность правительства по заселению рассматриваемых земель и вольное переселенческое движение, контролируемое российской администрацией и обреченное на провал без поддержки государства.

Колонизация Польской Украины, начатая российским правительством в конце XVI в. принесла положительные результаты. Вследствие целенаправленной российской политики (посылки сторожей в последней трети XVI в., затем организации освоения края, постройки крепостей в конце XVI — начале XVII в.) Россия смогла утвердиться на Поле, оттеснив своих соперников.

ABSORPTION OF THE SOUTHERN BORDERLANDS BY RUSSIA IN THE XVI CENTURY

A.I. PAPKOV

Belgorod National Research University

e-mail: papkov@bsu.edu.ru

The article deals with the process of Russia's state territory expansion in the Southern direction in XVI century. The author analyzes the contradictions between Russia, the Polish-Lithuanian Commonwealth and the Crimean Khanate which resulted from their fierce competition for domination in the Dniepr-Don forest-steppe.

Keywords: Russian Tsarstvo, South of Russia, Dnepr-Don forest-steppe, Krym Khanstvo, Polish-Lithuanian Commonwealth, frontier.

⁴⁷ Загоровский В.П. Указ. соч. С. 194.

⁴⁸ Соловьев С.М. Указ. соч. Т. 8. С. 396.

⁴⁹ См. например: Скрынников Р.Г. Указ. соч. С. 20.

⁵⁰ Загоровский В.П. Некоторые особенности колониационного процесса южной окраины России в XVII веке и его периодизация // Из истории Воронежского края. Вып. 3. Труды Воронежского университета. Воронеж, 1969. Т. 87. С. 86.